

Е. Д. Шор — В. И. Иванову

18 марта 1932 г., Берлин

Дорогой Вячеслав Иванович,

Простите меня великодушно за то, что только сегодня отвечаю Вам на Ваши два последних письма, которые глубоко тронули меня Вашим сердечным, добрым отношением ко мне. Спасибо большое за любовь и ласку.

Вчера я отправил Олечке письмо, в котором подробно написал о своих ближайших планах. Чем больше углубляешься в свои мысли, тем богаче становится круг притягивающих внимание проблем. И так как все они в равной мере связаны с духовным центром и с одинаковой стремительностью приводят к нему, то не одна не хочет уступить место другой, и все вместе ведут штурм против меня. Я знаю, что достаточно со всей определенностью остановиться на одной из них, чтобы успокоиться в деятельной работе; но на окраинах сознания продолжают блуждать призраки покинутых проблем и мыслей и пользуются невольной грустью разлуки с ними, чтобы незаметно проникнуть за ограду внимания и вновь занять покинутые позиции.

Моя непосредственная работа сейчас — об искусстве Марии Синьорелли. В нем скрещивается так много духовных координат, а форма книги — сжатый текст и репродукций много — позволяет так соблазнительно наметить лишь главные перспективы, в двух-трех местах остановиться на детальном описании центральных фигур, что я не решился отказать себе в радости этой работы, которая неожиданно стала передо мною совсем близкой задачей. Быть может, решающее значение здесь сыграло желание углубить встречу с Марией и пристальнее всмотреться в ее очень творческое и очень женское дарование, влекущее ее к театру и трагедии. Один из набросков к книге дал я для каталога. Он построен на анализе «скрипача». Один из аспектов его дан в каталоге и послан мною Олечке в том размере, каком он должен появиться в книге. Второй

аспект, связывающий его с «Пиета», еще не отделан фотографически. На днях, надеюсь, сумею послать его Вам. Вашего отзыва жду с большим нетерпением.

Мысль о «Достоевском» не покидает меня с тех пор, как Вы подали мне мысль написать о нем статью. Внешние обстоятельства — моя явная близость к книге и к автору (если только это можно назвать внешними обстоятельствами!) — меня не смущают. Но задача страшит. Все же, думаю, мысли свои о Достоевском я начну записывать. Выйдет ли что — кто знает! Но эту работу я не мыслю себе иначе, как в общении с Вами; и это одно уж заставляет меня приняться за нее. Но прежде, чем я буду иметь возможность послать Вам свои наброски к статье о Достоевском, я хочу просить Вас Вашего ответа о другом. Два года тому назад, принимаясь за предисловие к «Русской Идее», я попытался связать отдельные перспективы Вашего мышления, объединить рассыпанные в Ваших статьях узрения так, чтобы из этой реконструкции вырос бы лежащий в основе Вашего узрения мира и несущий Ваше творчество пра-миф. О своих сомнениях в том, следует, да и возможно ли это сделать, я писал в последнем письме к Олечке. Сегодня я решаюсь послать Вам эту мозаику, которая вся целиком составлена из Ваших слов настолько, что я даже перестал кавычки ставить, так как пришлось бы все страницы поставить в кавычки. В центре моей реконструкции стоит собранный со страниц Ваших книг тройной аспект Вечной Женственности, он же — тройной аспект божественной драмы. Много смыслов таит в себе этот тройной аспект. Здесь и откровение о Правде как соответствии аспектов Вечной Женственности к Мужественности. И об Истине как полноте всех аспектов и их всеединстве. Здесь и история религиозного сознания человечества как путь прохождения через аспекты — стадии. Но главное, что заставляет меня согласиться и признать вставший передо мною тройной аспект Вечной Женственности ключом Вашего мирозерцания, — это его глубокая связь с Вашим путем внутри Церкви. Два года тому назад я готов был думать, что вхождением в католическую церковь Вы отвернулись от рождавшегося в Вас в эпоху «Символизма» мифа. Теперь же я вижу, что миф, таившийся в основе Вашего творчества, сам привел Вас в Католическую Церковь: потому что всякое подлинное новотворчество в христианском сознании есть подготовка новой встречи с Христом. Из всего, что я сейчас о вас знаю и слышу, предполагаю и догадываюсь, я чувствую, что Вы находитесь в расцвете Вашего творчества, что все прошлое было лишь подготовкой к творимому Вами и творящемуся в Вас и через Вас теперь; что все разрозненное и разноречивое вдруг стало согласным и стройным, и все противоборствующие силы сложились в стройные и могучие хоры. По всему этому я решаю, что Ваше вхождение

в Католическую Церковь и было формой осуществления Вашей Встречи; что свершился окончательно — хоть и дальше каждодневно должен совершаться — акт отречения от своей воли; и что в центре Вашего духовного мира встал окончательно образ Христа.

Простите, дорогой Вячеслав Иванович, за это вторжение в Ваш внутренний мир. Но мне давно хотелось сообщить Вам то, что доносится моему внутреннему слуху о Вас, и проверить себя: верно ли слышу? К тому же, прежде чем писать о Вашем целостном пути и образе — для этого у меня нет достаточно материалов — я хочу еще раз и по-новому пережить встречу с Вами эпохи «По звездам» и «Борозд и Межей». Пусть эта эпоха окажется канунной для Вашего нынешнего дня. Но в этой канунности есть особое очарование и своя целостность и неповторимость, с которыми мне так трудно расстаться. Есть в ней и последовательный путь, приведший Вас к Вашему расцвету. Но есть в ней и много иных возможностей, и свобода соблазнов и измен, залог верности, но, может быть, «близость заблуждений». В ней есть открытость «предвестий и предчувствий», чаяний и надежд — иная, чем многосказанность Ваших новых достижений. Всему она отвечает и всякой мысли служит путеводной тайнописью. И не налагает еще легкое иго строгих запретов на того, кто приближается к ней, проникает в нее и пьет ее мед. Сама еще всем в искусстве, она одаряет каждого касающегося ее легкой свободой мира искусств.

Вот, дорогой Вячеслав Иванович, что неожиданно сложилось письмом к Вам. Буду с нетерпением ждать Вашего ответа.

Сердечно обнимаю Вас и шлю Вам самые лучшие приветы.

Ваш с любовью Е. Шор.

Ни о каком долге Вашем мне не может быть и речи. За переписку Достоевского Вы мне давно все уплатили. Так что материально мы с Вами в расчете. Ну, а по существу я Ваш неоплатный должник.

Е. Д. Шор.

В. И. ИВАНОВ.

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ.

Пра-интуиция Иванова есть узрение «сверхчувственной реальности» *в ее «нисхождении» в Творимое: первая желает без всякого насилия поднять последнее к себе, то есть к истинному Бытию.* Вся жизнь и творчество этого поэта и мыслителя — попытка претворить пережитое в слова-символы и мифы и перевести узренное

в сферу «низшей реальности» путем мистической интерпретации открывшегося смысла. [Однако Пра-интуиция по своей сущности непередаваема и неопишима; она остается, по словам Пушкина, как «виденье, непостижное уму», пребывает в ясновидящей душе и познается — как явление высшей красоты у Гомера — по своим действиям и отражениям, воплощаясь в символах и мифах. — *Зачеркнуто Ивановым.*]

С трехкратно приумноженным богатством возвращается Иванов из глубин своего Пра-переживания: 1. со знанием о мире как *о космической драме, разыгрываемой между Богом и человеком*; 2. со знанием об истине и норме человеческого творения; и 3. со знанием внутренней структуры пути искусства.

Это тройственное дарование — сила мистического прозрения, дар художественной формы и философская смелость бескомпромиссного самоанализа — позволило ему (*мы начинаем с его художественного самоопределения*) описать такие сферы и определить такие стадии, через которые должен пройти дух художника в своем творческом величии. «Создание художественного произведения есть нисхождение художника из сфер, в которые дух его вознесся». Восхождение — это обретение Пра-интуиции, соприкосновение со сферами «высшей реальности», это духовное зачатие, благодаря которому человеческая душа рождается к новой жизни; это предпосылка великого искусства, но все его три стадии («дионисийское волнение, мистическая епифания и катартическое успокоение») относятся к художнику в его ипостаси духовно-впечатлительного человека. Творческим является лишь нисхождение. В стадиях нисхождения осуществляется метаморфоза духовного События, которая составляет сущность восхождения: «новое дионисийское, преимущественно музыкальное, волнение» превращает мистическую епифанию в аполлиническое видение, в «заоблачные сны» поэтической фантазии, а затем оно, уносимое последней волной дионисийского вдохновения, находит свое последнее воплощение, которое мы называем произведением искусства. *Рожденное в любовном союзе духа и материи, оно охотно принимает предписанную ему форму, не изменяя при этом своей исконной сущности и закону.* Нисхождение может быть отделено от восхождения днями, иногда годами, а иногда может и вовсе не состояться, так что мистическая интуиция не получает никакого художественного выражения. Отнюдь не всем дано воплотить духовное Пра-событие в творческом жесте. [Таким образом можно сказать, «что много званых к восхождению, но мало избранных к нисхождению, то есть мало художников». — *Зачеркнуто Ивановым.*]

Из сферы высшей действительности художник нисходит с новым знанием. В низшей реальности, которую он при своем восхождении

оставил позади и которую он снова обретает при завершении своего нисхождения, в этой реальности, которая ныне поставляет ему материал для его произведения, познает он живую землю, находящуюся в исконнейшей и неразрывнейшей связи с высшими и самыми подлинными сущностями бытия. Она ждет прикосновений художника как откровений формы, откровений, посредством коих раскрывает она свою скрытую святость и шлет ему свое ответное откровение. Так открывается художнику правда человеческого творчества, норма правого нисхождения: «благоговение перед Низшим и покорность, повиновение воле Земли, которой он преподносит кольцо обручения с Высшим». Одновременно дается ему закон духовной жизни, «внутренний канон» [согласно терминологииИванова— *Зачеркнуто Ивановым*], который содержит в себе условия правого восхождения [и правого нисхождения— *Зачеркнуто Ивановым*]: формирование духовной личности, согласно универсальным [космическим— *Зачеркнуто Ивановым*] нормам, *укорененным в Божественном Логосе*, оживление, усиление и обнаружение взаимосвязей и отношений между индивидуальным, личным бытием и всечеловеческой, всемирной, [божественной — *Зачеркнуто Ивановым*] жизнью.

Переживание искусства ведет к познанию истинной воли Матери-Земли, сокровытых идей ее вещей, невысказанных предчувствий и страданий земного творения.

1). Так соприкасаемся мы с высшим кругом мудрости, который мы обозначили как первое сокровище пробужденной от своей Прантуйции души. «ἐν καί Πάν», Все- и Пра-Единство, предвечная основа мистического единения остается позади, и душа мистика начинает свой путь по дороге воплощений; здесь душе открывается реальность Божественного присутствия, которое — даже если оно сокрыто под видом всемогущей судьбы — являет собою сущность и судьбу Бытия: вечный прообраз космического господства и человеческой жизни.

[На полях этого абзаца, отчеркнутого Ивановым, его комментарий: Пантеизм! Неоплатонический взгляд (который я не разделяю) совершенно произвольно приписывается мне здесь посредством употребления целого ряда технических выражений, которые мне абсолютно чужды! Все остальное есть исключительно развитие этого первоначального тезиса, совершенно ложно мне приписанного.]

— [Тире поставлено Ивановым]Возникшее видение (дионисийская эпифания) являет себя как пра-символ, который является чем-то вроде зародыша, содержащего в себе движущий принцип будущего развития, но одновременно полагает размеры и границы своего развер-

тывания; из него происходят все новые и все более широкие смыслы, которые простираются все дальше и дальше, и кажется, что в конце концов они включают в себя целую Вселенную (опыта — *скобки поставлены Ивановым*). [*На полях этого предложения, отчеркнутого Ивановым, его комментарий: Мои претензии не простираются так далеко!*]Из пра-символа рождается пра-миф. Рождение мифа является решающим событием творческой души. Истинность индивидуального мифа, делающая его подлинным национальным и всечеловеческим мифом, есть верность древнейшим мифическим основам — верность, которая знаменует глубокую укорененность в древнейшем мифе, равно как и его развитие и разработку, а также его утверждение и преодоление.

— [*Тире поставлено Ивановым*]Пра-интуиция означает для Иванова «откровение в Вечной Женственности как Мировой Души». Дела и страдания Мировой Души, ее печали и надежды, ее падение и спасение являются ведущей темой космической истории. В трех сущностях являет себя мистическая правда Мировой Души: в ужасе, страдании и любви. Мировая Душа — космическая Жена, Пра-лоно становящегося и одновременно Праматерь и Мойра древних, всепоглощающая Судьба, с неизбежной необходимостью властвующая и царящая над людьми и богами; она Мать — Земля (Деметра древних), рождающая все живущее и оплакивающая его гибель; она Вечная Невеста, тоскующая в покровах мрачной и враждебной материи, после своего освобождения взыскующая божественного света и божественной любви.

Эти испостаси, эти ступени убывания абсолюта [*подчеркнуто Ивановым*] нисходящей Вечной Женственности соответствуют стадиям восходящего апофеоза мужского начала. [*На полях этого предложения, отчеркнутого Ивановым, его комментарий: Мировая Душа никогда не была абсолютной.*]Мужское как Вечно-Преходящее суть Сыны Земли, которые, возникая из Пра-лона, тщетно стараются своим творчеством и деяниями оставить отпечаток на облике Земли и отменить Закон Смерти: в их объятиях Вечная Жизнь зачинает смертных существ и поглощает в свое лоно бессильных и жестоких детей смертных.

Мужское как Вечно-Преходящее и Вечно-Возникающее — это Дионис греков, Озирис египтян; [*На полях комментарий Иванова: Первоначальное представление древних греков, — моя антропология не имеет с этим ничего общего.*]; в постоянных новых рождениях выявляет мужское начало свою божественную волю к жизни, которое содержит в себе самоутверждение и самоизменение, жизнь и смерть, Бога, Жреца и Жертву, побежденного и победителя одновременно. И, наконец, высшая ипостась мужского начала — Он, Смиренный,

отказавшийся от своей воли для того, чтобы принять в себя волю Божию, и в этом акте Богосыновства ставший посредником между Землей и Небом, между Богом и Мировую Душой, ставший носителем Божественного света, давно чаемым Женихом Мировой Души, своим прикосновением освобождающим ее. [*На полях комментариев Иванова: Христос для меня никакой не «Сын Земли». Этого нельзя утверждать даже о Дионисе или Озирисе.*]

Все метаморфозы и все стадии самооткровения божества [*подчеркнуто Ивановым, на полях комментариев: не понимаю!*] находят свое единство в аспекте любви как персонификации божества [*подчеркнуто Ивановым, на полях —?!*] и акты вечной Божественной драмы; норма человеческой жизни выводится из закона Божественного [*подчеркнуто Ивановым, на полях —?*] действия, и мир вновь обнаруживает себя носителем Божественных сил и Божественной сущности [*подчеркнуто Ивановым, на полях —?*]. Божественная драма, разворачивающаяся во Вселенной, в макрокосме, повторяется в малых мирах — в микрокосмосах: в народе и в людях.

Народ есть живое единство, существенно независимая, обладающая целостным переживанием личность: многоликая на своей периферии, лелеющая внутри святыню единого и целостного сознания, единой и целостной воли. В этом единстве можно различить два начала: начало женское, душевное, наполняемое и начало мужское, духовное, оплодотворяющее. Корни первого уходят во всеобщую Праматерь — живую Землю, Душу Мира; корни второго — в иерархиях небесных сил [*подчеркнуто Ивановым, на полях комментариев: В печати это место (из «Достоевского») существенно переработано*]. Это второе мужское начало свободно и может быть укоренено лишь в самом себе постольку, поскольку оно считает самого себя Богом и Небесным Женихом, — но оно может также, отказавшись от своего Я ради Христа, принести Земле послание Его Богоносности. И только через такую богоносность народного Я второе начало становится всечеловеческим.

Судьба и преображения этих двух начал, их воплощение в коллективных и индивидуальных олицетворениях, их порыв друг к другу и борьба друг против друга, их отпадение от последней внутренней сущности и стремление к исполнению собственной внутренней энтелехии — вот подлинное содержание жизни народа. Его внешние судьбы суть лишь проявления этих внутренних энергий в пространстве всеохватывающего единства человечества.

[*на полях комментариев Иванова к последующему абзацу: Если последующее выглядит несколько расплывчатым, то это моя вина. Статья «Ты Еси» требует основательной переработки.*]

Подобный дуализм внутренней структуры повторяется в индивидуальной личности человека. Человек обретает самооткровение «в правом безумии религиозного восторга»; женственная часть Я, Психея, освобождается из-под власти мужского сознательного начала, которое как бы погружается в самозабвение и умирает; блуждая на периферии сознания, Психея ищет лучи света, должны пробиться из нашего Божественного средостения, из глубочайшей святости нашей сущности. Но этот духовный свет раскрывается для Психеи только в ипостаси Богосыновства. Следуя зову Психеи, мужское Я воскресает из смертного сна и появляется в светлом образе Сына, — но только если его умопостигаемое самоопределение означает стремление к сверхличному центру личного бытия, если его последняя воля, скрытая в его глубинах, — есть не его воля, а воля Отца. В слиянии Психеи с преображенным Я восстанавливается личное сознание, но восстановленная личность высветлена, «очищена и освящена».

Многие опасности подстерегают человеческое Я на пути его самоопределения. Самая большая из них — это отвращение его мужской половины от сверхличного начала, демоническое самоопределение нашей воли в отпадении от Бога, удаление от источников Божественного света, изоляция и самозамыкание в узких границах собственной личности, — так накапливается содержание умопостигаемой вины, метафизического грехопадения.

Отвращение от сверхличного центра уклоняет волю мужского Я к периферии сознания, где освобождающаяся Психея встречает его в образе враждебного преследователя или коварного соблазителя. Подобно Менаде Агаве, она может напасть на него; Невеста, ожидающая светлого Жениха, на которую нападает узурпатор Божественной маски, превращается в яростную Менаду, которая убивает напавшего на нее бога и разрывает его на куски. Позднее, в свои светлые моменты, она его оплакивает. Но вот она уже бежит от него, от него удаляется — и тогда человеческий дух сталкивается с последним одиночеством (затемненному, падшему духу мир предстает как хаос и мрак) и начинает тосковать по освобождающей любви. Однако, отчужденный от своего божественного центра, он может найти любовь лишь в ее отражениях на периферии чувственного мира. Вечная Красота, по которой он тоскует, окутывается в покровы чувственной материи, ставшими непрозрачными для него теперь, и скрывается под масками образов Хаоса; с ужасом узнает одинокий и опустошенный дух в облике Хаоса пугающе прекрасные и наполняющие трепетом черты Космической Жены, чьи страхи смертный не может успокоить, чья созидательная сила не знает себе равных среди земных существ, но не находит претворения в любовь. (На память приходит судьба А. Блока.)

Каждый раз, когда человек, народ или все человечество начинают видеть себя в ореоле гордого отщепенства — после некоего периода демонического блеска — следует помрачение души и мира, и часы радости по поводу завоеванной иллюзорной свободы сменяются днями безнадежного и мрачного сомнения. «Древний ужас» ложится всей тяжестью на грустные, одинокие души — «древний ужас», который есть и наш страх, и наше страдание. Так мучились мы в оковах старой темницы, где страдало еще язычество, и наше новое сомнение есть лишь новая маска «древнего ужаса», вновь простершего свою власть над нами. Но причина этого недуга лежит в отпадении от христианства, от его учения о правом представлении о человеке и о спасении Мировой Души, в отпадении от христианства, которое лишь одно способно освободить нас от космического ужаса и дать нам истинную свободу.

[Далее следует примечание Иванова к тексту Шора:

Вы питаете иллюзию, что сами понимаете изложенное здесь «Мировоззрение»?!

Чего мне здесь не хватает? — Остроты различения.

Что я хвалю? — Дар сочетания.

Что я порицаю? — Злоупотребление последним.

В.И]

